

5. Поддубная Р. Н. О двуплановости поэтики романа Л. Толстого и Ф. Достоевского 1870-х годов / Р. Н. Поддубная // Вісник ХНУ. – Харків, 2004. – № 631 : Сер. Філологія. – Вип. 41. – С. 26–29.

6. Толстой Л. Н. Анна Каренина : Роман в восьми частях. Части 1–4 / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1987. – 448 с.

7. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. Части 5–8 / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1987. – 384 с.

Казаков И.

– кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета

Аверина Л.

– учитель зарубежной литературы высшей категории, методист, директор общеобразовательной средней школы № 11 г. Славянска

УДК 821.161.1

**МОТИВ ВРЕМЕНИ И ОБРАЗ ЧАСОВ В ПЬЕСЕ А. ВВЕДЕНСКОГО
«ЕЛКА У ИВАНОВЫХ»**

В статье исследуется мотив времени и образ часов в абсурдистской пьесе А. Введенского «Елка у Ивановых». Часы здесь становятся центральным коррелятом времени и формируют особое представление о его природе и взаимоотношениях с человеком. Время у А. Введенского приобретает дискретный, онтологический и эсхатологический характер, оно становится хаотичным и автономным по отношению к людям.

Ключевые слова: абсурдизм, мотив времени, эсхатологические мотивы.

Казаков І.

– кандидат філологічних наук, завідувач кафедри російської мови та літератури Донбаського державного педагогічного університету

Аверина Л.

– учитель зарубіжної літератури вищої категорії, методист, директор загальноосвітньої середньої школи № 11 м. Слов'янська

**МОТИВ ЧАСУ Й ОБРАЗ ГОДИННИКА В П'ЄСІ О. ВВЕДЕНСЬКОГО
«ЯЛИНКА ІВАНОВИХ»**

У статті досліджено мотив часу та образ годинника в абсурдистській п'єсі О. Введенського «Ялинка Іванових». Годинник у творі є центральним корелятом часу й формує особливе уявлення про його природу й стосунки з людиною. Час у О. Введенського набуває дискретного, онтологічного й есхатологічного характеру, він стає хаотичним і автономним по відношенню до людей.

Ключові слова: абсурдизм, мотив часу, есхатологічні мотиви.

Kazakov I.

– Candidate of Science (Linguistics), Head of the Department of Russian Language and Literature of Donbas State Teachers' Training University

Averina L.

– *World Literature Teacher of Higher Category, Teaching Methods Specialist, School Head, Comprehensive School 11, Sloviansk*

**MOTIVE OF TIME AND IMAGE OF CLOCK IN THE PLAY BY
A. VVEDENSKIY “CHRISTMAS TREE AT THE IVANOVs”**

The article investigates the motive of time and the image of clock in the absurdist play by A. Vvedenskiy “Christmas Tree at the Ivanovs”. The clock becomes the central correlate of time and forms a special understanding of its nature and the relationships with man. The time of A. Vvedenskiy becomes of a discrete, ontological and eschatological character; it becomes chaotic and autonomous towards people.

Key words: *absurdity, motive of time, eschatological motives.*

Постановка проблемы. Проблема взаимоотношений человека и времени (как в узком, так и в широком понимании) – одна из центральных в модернистской литературе XX века. Особое внимание ей уделяли абсурдисты, по-своему переосмысливая традиционный материалистический взгляд на время.

Уже у основоположника абсурдизма Л. Кэрролла обнаруживается мысль о том, что время – это некая самостоятельная вещественная субстанция, существующая отдельно от людей, имеющая свой характер (скорее – норов) и живущая самостоятельной жизнью. В знаменитом «Безумном чаепитии» Алису уверяют, что со временем можно дружить, с ним можно заключать сделки, чтобы пропускать уроки в школе. Здесь же Болванщик рассказывает о том, как он поссорился со временем, и с тех пор оно остановилось в шесть часов вечера, чем обрекло Мартовского Зайца и Болванщика на бесконечное изнурительное чаепитие.

С легкой руки Л. Кэрролла мотив времени приобрел своего рода коррелят – образ своенравных часов, играющих не последнюю роль в художественном мире абсурдистской пьесы Александра Введенского «Елка у Ивановых» (1938).

Цель настоящей статьи – исследование некоторых особенностей мотива времени, связанных с образом часов, в пьесе А. Введенского «Елка у Ивановых». Эта цель конкретизируется в следующих **задачах**: 1) исследовать мотив времени и образ часов в пьесе; 2) выявить некоторые особенности репрезентации понятия времени в творчестве автора.

Анализ последних исследований. Проблема времени в творчестве А. Введенского исследовалась рядом ученых [2 – 5], однако в избранном нами ракурсе она не становилась предметом специального изучения.

Изложение основного материала. В «Елке у Ивановых» часы, висящие «на стене слева от двери» [1, с. 366], впервые упоминаются уже в начальной ремарке, а затем начало и конец каждой картины-сцены будет обрамлено точной информацией о текущем состоянии времени на циферблате все тех же часов. Такая скрупулезность как будто призвана подчеркнуть точность и последовательность хронологии происходящего. Однако при более внимательном взгляде на характер отсчета времени часами, вскрывается абсурдность и некоторые странности их поведения.

Первая картина – самая насыщенная событиями. Ее открывает сцена купания в одной ванной семерых детей Пузыревых. Затем происходит ссора дочери Пузыревых Сони с Нянькой, после чего Нянька убивает топором свою строптивую воспитанницу. Появляется полиция, убийцу арестовывают и уводят. В конце сцены возвращаются из театра Пузыревы. Несмотря на такое обилие событий, их изложение занимает менее трех страниц диалога и авторских ремарок, что создает впечатление калейдоскопической быстроты. Это совершенно не увязывается с «показаниями» часов: в начале сцены на них девять часов вечера, а в конце – двенадцать. Таким образом, прошло три часа, однако реально-событийного времени, по крайней мере, в четыре-шесть раз меньше.

Действие второй картины, где появляются поющие немые лесорубы и жених преступной няньки Федор, происходит одновременно с событиями первой сцены: часы в начале также показывают девять часов вечера, а в конце – двенадцать. Вместе с тем вторая сцена не занимает и двух полных страниц.

Можно заметить, что в первых двух картинах время, измеряемое стенными часами, то есть время объективное, течет быстрее, чем бытовое время жизни действующих лиц. В следующей сцене ситуация резко меняется. Хронология третьей картины – с двух до трех часов ночи. За это время Пузыревы погорюют по поводу смерти дочери, совершат половой акт, поговорят с младшим сыном Петей Перовым; лесорубы внесут елку; голова Сони Островой побеседует с ее же телом. Создается впечатление, что время вдруг одумалось и резко замедлило свой стремительный бег, размышляя о превратностях судьбы и бренности человеческого существования.

Если главной темой первого действия, состоящего из трех картин, является преступление, то основная тема второго и третьего – наказание (в пьесе много реминисценций, связанных с

«Преступлением и наказанием» Ф. Достоевского: орудие преступления – топор, последующее за преступлением раскаяние убийцы и муки совести, граничащие с умопомешательством и т. п.). Второе действие также включает в себя три сцены. Первая из них – картина четвертая – разворачивается в полиции. Здесь беседуют Писарь и Городовой; затем приводят Няньку, которая идентифицирует себя с убитой Соней; Няньку уводят санитары для проведения экспертизы в сумасшедшем доме. Это одна из самых коротких по реальному содержанию и самая продолжительная по версии стенных часов сцена: она начинается в двенадцать, а заканчивается в четыре ночи. Часы здесь как будто измеряют внутреннее, мучительно растянувшееся психологическое время Няньки: она, по наблюдению Городового, испытывает «страданье, которое не описать пером» [1, с. 374].

В пятой картине Врач, страдающий манией преследования, проводит абсурдное медицинское освидетельствование и приходит к выводу о крепком психическом здоровье Няньки на том основании, что у пациентки здоровый цвет лица, а Санитар умеет считать до трех. Время действия полторастраничной сцены – два часа (с четырех ночи до шести утра).

Картина шестая разворачивается в доме Пузыревых одновременно со сценой в сумасшедшем доме (с пяти до шести утра). Федор, не знающий о том, кто убил дочь Пузыревых, в темноте принимает Служанку за Няньку и ложится к ней в постель. Когда Федор узнает, что Соню убила его невеста, он горюет и решает, по совету Служанки, «учиться, учиться и учиться» [1, с. 378], чтобы стать учителем латинского языка. Эта картина, пожалуй, единственная, где время, измеряемое часами, хотя бы приблизительно соответствует времени событийному. Объективное время вдруг поворачивается лицом к человеку и идет с ним в ногу, сочувствуя страданию и безысходной обреченности, которые переживает ни в чем не повинный Федор.

Третье действие состоит уже не из трех, как предыдущие, а из двух картин. Четвертое – последнее – из одной. Происходит своего рода композиционная редукция, демонстрирующая бренность и конечность человеческого бытия. Этот мотив подчеркивается авторской ремаркой, построенной по принципу абсурдной детализации: «Стол. На столе гроб. В гробу Соня Острова. В Соне Островой сердце. В сердце свернувшаяся кровь. В крови красные и белые шарики. Ну конечно и трупный яд. Всем понятно, что светает» [1, с. 378]. Последняя фраза, с точки зрения формальной

логики не мотивированная предыдущим изложением, усиливает мотив абсурдности и обреченности человеческого существования, в котором рождение нового дня, наступление рождественского праздника, долгожданное будущее (М. Б. Мейлах заметил, что «действие «Елки у Ивановых» сводится к ожиданию единственного события – елки: о ней говорят все действующие лица» [3, с. 364]) напрямую увязывается со смертью и разложением человека. Эта мысль развивается в стихотворном монологе Собаки Веры, первая строфа которого получает пророческое звучание («Я хожу вокруг гроба. / Я гляжу вокруг в оба. / Эта смерть – это проба» [1, с. 378]), а последняя продолжает тему наказания, скорее даже кровавого возмездия, за преступление («Федор гладил бы круп / Твой всегда по утрам б, / А теперь ты сама станешь труп» [1, с. 378]). События в этой, седьмой, сцене происходят одновременно (с восьми до девяти утра) с судебным процессом, о котором говорится в восьмой картине.

Суд над Нянькой превращается в откровенный фарс, настоящее пиршество бюрократического нонсенса: судьи рассматривают дело поссорившихся Козлова и Ослова, а приговор (смертный!) выносят Няньке. С момента задержания убийцы проходит всего девять часов, отсутствуют дознание, следствие и другие необходимые процедурные моменты (за исключением буффонадной психиатрической экспертизы). Мрачную абсурдность и нелепость происходящего подчеркивают авторское описание места действия («На восьмой картинке нарисован суд. Судейские в стариках – судействие в париках. Прыгают насекомые. Собирается с силами нафталин. Жандармы пухнут» [1, с. 380]), беспричинная смерть сразу двух судей в начале заседания и мрачно-ироническое обращение Секретаря к Няньке, только что приговоренной к повешению («Вот мы и идем тебе навстречу» [1, с. 382]).

Последнее – четвертое – действие состоит всего из одной картины, изображающей долгожданный рождественский вечер. Дети с благоговейным нетерпением ждут, когда родители откроют двери, за которыми находится елка. Увидев ее, мальчики и девочки искренне радуются и адресуют елке восторженные слова под пение матери, играющей на рояле. Затем все дети, а за ними и родители по очереди беспричинно умирают. Мотив безысходности и нелепости человеческого существования здесь достигает своей предельной концентрации: за один час – с шести до семи часов вечера – умирают восемь человек; умирают именно в тот момент,

когда надо бы жить (сбывается их мечта – наступает время рождественской елки). Этот мотив усиливается и финальной ремаркой: «Конец девятой картины, а вместе с ней и действия, а вместе с ним и всей пьесы» [1, с. 385]. Подобная градация мотивирует напрашивающееся продолжение: а вместе с ней и жизни. Так приходят к своему разрешению эсхатологические мотивы пьесы, обозначенные еще в самой первой реплике произведения – в мрачном пророчестве годовалого Пети Перова: «Будет елка? Будет. А вдруг не будет. Вдруг я умру» [1, с. 366].

После авторского сообщения о конце пьесы вопреки законам драматургии появляется традиционная для «Елки у Ивановых» информация: «На часах слева от двери 7 часов вечера» [1, с. 385]. Вынесенная в самый конец произведения, она несет повышенную смысловую нагрузку. Умирают люди, заканчивается жизнь, а часы (шире – время) остаются.

Время в пьесе А. Введенского пришло в разлад с бытием человека – оно то мчится вперед, обгоняя жизнь людей, то неожиданно замедляет свой бег; время не связано с событийной реальностью, оно абсолютно автономно и непоследовательно; время носит здесь дискретный характер. По справедливому замечанию Е. С. Шевченко, в «Елке у Ивановых» «любое время (историческое, календарное, время суток, время человеческой жизни и т. п.) не имеет ровно никакого значения» [5, с. 171]. Такая концепция времени объясняет и то, что несмотря на сравнительную молодость Пузыревых их дети имеют возраст от одного до восьмидесяти двух лет и старшие ведут себя, как совсем маленькие дети, а самый младший – годовалый Петя – рассудителен и даже мудр. В условиях дискретности и автономности времени детям может быть сколько угодно лет: в абсурдной реальности каждого из них оно движется с разной скоростью и в любом направлении.

Выводы. Роль образа часов в «Елке у Ивановых» весьма существенна. Часы здесь становятся центральным коррелятом времени и формируют особое представление о его природе и взаимоотношениях с человеком. Время у А. Введенского приобретает дискретный, онтологический и эсхатологический характер, оно становится хаотичным и автономным по отношению к людям. Человек поссорился со временем, и оно покинуло его, повергнув в пучину безвременья и оставив наедине со смертью.

Литература

1. Введенский А. Елка у Ивановых / Александр Введенский // Новобасманная, 19. – М. : Худож. лит., 1990. – С. 365–385.

2. Колеватых Г. М. Поэтика времени у В. Хлебникова и А. Введенского / Г. М. Колеватых // Александр Введенский и русский авангард : материалы междунар. научн. конф. – СПб., 2004. – С. 48–56.

3. Мейлах М. Б. Русский довоенный театр абсурда: (К пятидесятилетию пьесы Александра Введенского «Елка у Ивановых») / М. Б. Мейлах // Новобасманная, 19. – М. : Худож. лит., 1990. – С. 356–365.

4. Резвых Т. Антиномии времени у Александра Введенского / Татьяна Резвых // Логос. – №3 [99]. – 2014. – С. 67–94.

5. Шевченко Е. С. «Елка у Ивановых» А. Введенского : «буффонное» vs. «трагедийное» / Е.С. Шевченко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология» – 2011. – № 2 (10). – С. 170–181.

Сиротенко В.

– кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії і практики початкової освіти Донбаського державного педагогічного університету

Бурлака Р.

– учитель-методист Краматорської загальноосвітньої школи № 12

УДК 82(477.6)(07)

ИСТОРИИ, ЯКИ НЕ ПОВИННИ СТАТИ ІСТОРІЄЮ:

РОЗДУМИ З ПРИВОДУ КНИГИ «ДОНБАС – АРЕНА ВІЙНИ»

У статті проаналізовано ряд публікацій, уміщених у збірці «Донбас – арена війни», зокрема окреслено декілька взаємопов'язаних проблемних аспектів, висловлених дописувачами з приводу воєнно-суспільних, ідеологічно-моральних явищ, що виявилися на Донбасі в останні роки ХХІ ст. Зосереджуючись на матеріалах, пов'язаних із питанням, чому сепаратистські настрої набули поширення в регіоні, автор поділяє позицію журналістів, що настрої «донбаського патріотизму» розпалювалися імпортованою ідеєю «руського мира», в основі якої лежать антигуманні постулати, здатні трюїти свідомість людини.

Ключові слова: сепаратизм, ідея «руського мира», український патріотизм, фашистська ідеологія, ностальгія, трагічне як катарсис.

Сиротенко В.

– кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики начального образования Донбасского государственного педагогического университета

Бурлака Р.

– учитель-методист Краматорской общеобразовательной школы № 12

ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ НЕ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ИСТОРИЕЙ:

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ «ДОНБАСС – АРЕНА ВОЙНЫ»

В статье проанализировано несколько публикаций, помещенных в сборнике «Донбасс – арена войны», в том числе рассмотрено несколько взаимосвязанных проблемных аспектов, высказанных корреспондентами